

МОРСКОЕ ПРАВО

УДК 341.225

Филиппова Марианна Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ)

Международное морское трудовое право: правовая природа и классификация в правовой системе

Аннотация. В статье формулируется определение международного морского трудового права, рассматривается его предмет и метод правового регулирования. Исследуется соотношение международного публичного и международного частного права в регулировании трудовых отношений моряков, роль и место международного морского обычая в регламентации труда на морском транспорте.

Ключевые слова: морское право; правовое регулирование труда моряков; трудовые отношения на морском транспорте; международное трудовое право; международный морской обычай; международное частное право; международное публичное право.

Marianna Yu. Filippova,
Candidate of Law, associate professor,
Russian University of Transport (RUT MIIT)

International maritime labor law: legal nature and classification in the legal system

Abstract. The current paper has formulated the definition of international maritime labor law, analyzed its subject and method of legal regulation. There has been studied relationship between public international and private international law in the regulation of labor relations of sailors, the role and place of international maritime custom in labor regulation in maritime transport.

Keywords: maritime law; legal regulation of sailors' labor; labor relations in maritime transport; international labor law; international maritime custom; private international law; international public law.

Общая теория права предполагает, что осмысление правовой природы любого явления требует определения его ключевых правовых

характеристик. Для отраслевых и межотраслевых правовых образований, составляющих структуру права, такими квалифицирующими характеристиками являются предмет и метод правового регулирования. Категорирование общественных отношений, на регламентации которых сфокусированы правовые нормы, интересующие исследователя, познание способов их регулирования позволяет выявить системные свойства объекта изучения. А это, в свою очередь, определяет взаимодействие правовых норм внутри соответствующего правового образования, унифицирует процесс правотворчества и правоприменения в определенной сфере общественной жизни.

Разделение права на отрасли, традиционно признаваемое отечественными теоретиками, предполагает самостоятельность предмета и метода правового регулирования. Но, как отмечают правоведы, «...эти критерии хорошо работают лишь в сфере уголовного и гражданского права» [1, стр. 222]. Это суждение, высказанное в самом начале 2000-х гг., сегодня уже не требует доказательств, получая подтверждение в повседневной жизни. Обособленность общественных отношений в «замкнутые» сферы, регулируемые по модели «одна группа общественных отношений = одна правовая отрасль», в последние десятилетия трансформировалась, вызывая к жизни комплексные правовые отрасли, межотраслевые институты. Традиционная отраслевая структура права, подобно шарикам ртути, стремящимся слиться в одну крупную каплю, стремится к объединению правовых отраслей под сенью двух глобальных категорий: частного права и публичного права. Данное обстоятельство наглядно иллюстрируется принятой сегодня номенклатурой научных специальностей.

Между тем каким бы ни было внутреннее деление системы права, международное право во все времена занимало в ней особое место. Его происхождение отсылает нас к самым ранним этапам становления права в целом — многие ученые полагают, что его прообразом стали межплеменные договоренности древнейших предков современного человека, еще не знавших института государства [2, стр. 6.]. Юристы Древнего Рима сформулировали суждение о договоре как основном источнике международного права, подчеркивая заложенную в его основе необходимость согласия между народами.

В силу масштабности международного права, имеющего поистине планетарный характер, его определения многообразны.

В самом приближенном виде можно определить международное право как систему правовых норм, непосредственно созданных или признанных участниками межгосударственных отношений для урегулирования таких отношений.

В доктрине признается суждение, в соответствии с которым международное право представляет собой именно систему, а не совокупность правовых норм. Это объясняется тем, что совокупность, т.е.

все имеющееся множество правил, должно распространяться на всех участников международных отношений, в то время как не каждое государство признает весь имеющийся массив таких норм [2, стр. 12].

В систему международного права в качестве самостоятельной отрасли входит морское международное право.

Мореплавание — поистине одно из самых древних занятий человечества, имеющих международный характер. Траектории торговых путей, соединяющих государства, непредсказуемость морской стихии, вынуждающей моряков незапланированно заходить в чужестранные порты, необходимость найма иностранных матросов и потребность обращения к лоцманскому искусству в сложных иноземных фарватерах — все эти и другие обстоятельства из века в век служили делу формирования международных правил использования морских пространств.

В литературе встречаются различные определения международного морского права. Так, международное морское право классифицируют как отрасль международного права, представляющую собой совокупность международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в области морского судоходства, добычи живых и неживых ресурсов моря, научных исследований и других видов деятельности государств и других субъектов международного права в пределах морских пространств [2, стр. 225]. Известно и более лаконичное, но такое же информативное определение международного морского права, под которым понимается отрасль международного права, включающая в себя юридические нормы, регулирующие отношения между государствами и иными субъектами международного права в связи с использованием Мирового океана [3, стр. 23].

Какая бы дефиниция не принималась во внимание, она предполагает деятельность по обеспечению функционирования морского судна, либо по управлению судном, либо иные отношения, свидетельствующие о выполнении трудовых функций на морских судах. Прерогатива регламентации соответствующих отношений принадлежит международному частному праву (далее — МЧП).

Моряки, судовладельцы и крьюинговые компании, обеспечивающие трудоустройство членов экипажей, не являются субъектами международного публичного права. Их интересы лежат в плоскости частного права: для моряков (работников) и судовладельцев (работодателей) — трудового, для судовладельцев (заказчиков) и крьюинговых компаний (исполнителей) — гражданского. Но в любом случае эти частноправовые отношения всегда будут окрашены международным оттенком. В научной доктрине такой дополнительный признак носит название «осложнены», а сама конструкция отношений именуется как «отношения, осложненные иностранным элементом».

Категория «иностраннный элемент» имеет цивилистические корни. Гражданское законодательство устанавливает, что иностранным

элементом может являться субъект правоотношения, его объект, а также юридические факты — конкретные жизненные обстоятельства, которые вызывают возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Применительно к международному морскому трудовому праву иностранным элементом со стороны субъекта будут стороны трудового отношения — иностранные моряки либо иностранные работодатели (судовладельцы); иностранным элементом со стороны объекта трудового отношения — выполнение трудовой функции на судне под иностранным флагом (например, в ситуации бербоут-чартера, т.е. фрахтования судна под иностранным флагом без экипажа), со стороны юридического факта — истечение срока трудового договора с моряком в период нахождения судна в иностранном порту либо в территориальном море иностранного государства.

Частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, являются предметом МЧП. Основным инструментом правового регулирования в МЧП являются коллизионные нормы, определяющие, право какого государства подлежит применению в том или ином случае. Как отмечают исследователи МЧП, наличие в отношении иностранного элемента не меняет юридической сущности самого отношения [4, стр. 4]. Так, трудовое отношение с иностранным моряком или с российским моряком, «выходящим» в море на судне под иностранным флагом, так и останется по своей природе трудовым. В данном случае иностранная составляющая определяет связанность отношения с правовой системой более чем одного государства.

Поскольку в национальном законодательстве участника правоотношения (моряка, судовладельца) или места выполнения трудовой функции (судна) и законодательстве, по отношению к которому участник или судно являются иностранными, трудовые отношения могут регулироваться по-разному, то может возникнуть так называемая коллизия, т.е. столкновение или противоречие правовых норм.

Для разрешения указанного противоречия в национальных законодательствах каждого государства закреплены коллизионные нормы, имеющие отсылочный характер, — они определяют, право какой страны должно применяться, и указывают на норму материального права, т.е. конкретное правило поведения, действующее в данном случае. Например, п. 1 ст. 416 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации содержит коллизионную норму, согласно которой правовое положение членов экипажа судна и связанные с эксплуатацией судна отношения между членами экипажа судна определяются законом государства флага судна. Таким образом, правовое регулирование названных отношений осуществляется нормами материального права флага судна.

Подобное правило, именуемое *lex banderae* (закон флага), является одним из важнейших коллизионных принципов регулирования международных частноправовых отношений.

Необходимо отметить, что доктрина МЧП обоснованно не включает его в структуру международного права, указывая на то, что последнее характеризуется и принципиально иным субъектным составом, и оперирует другими категориями правоотношений. Субъектами международного права являются, прежде всего, государства, обладающие всей монументальностью квалифицирующих признаков, самым могущественным из которых является суверенитет. Это обстоятельство обуславливает и особенности отношений межгосударственных отношений в публичном международном праве: это отношения суверенных, равных субъектов. В МЧП отношения (в данном случае — трудовые), не теряя своей правовой сути, «пересекают» границы государства и наделяются признаком трансграничности. При этом их субъектный состав, их объект и иные квалифицирующие признаки остаются теми же, что и для внутригосударственных трудовых отношений.

Коллизионные нормы, как было отмечено выше, содержатся в национальных законодательствах, входят в структуру внутригосударственного права. Исследователи МЧП отмечают, что в правовой системе каждого государства МЧП образует самостоятельную правовую отрасль, предметом регулирования которой являются частноправовые отношения (гражданские, семейные, трудовые), осложненные иностранным элементом. В связи с этим принято говорить о национальной принадлежности МЧП, например, «российское международное частное право».

Еще одним способом разрешения коллизии правовых норм является унификация правового регулирования частноправовых, в том числе трудовых, отношений в рамках МЧП при помощи унификации правовых норм. Инструментом такой унификации являются международные договоры и соглашения, содержащие для всех присоединившихся государств одинаковые правила поведения. Такие договоры относятся к плоскости международного права, поскольку заключаются его субъектами — государствами. Они содержат правила, в соответствии с которыми государства определяют свои отношения по поводу труда и занятости, в том числе в области мореплавания.

Пусковым механизмом для применения унифицированных норм международных договоров в национальной правовой системе, как правило, является специальный трансформационный акт. Например, в соответствии с Конституцией РФ, ст. 14 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее — Закон о международных договорах), формой выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее

международного договора может являться, в зависимости от случая, федеральный закон, указ Президента РФ или постановление Правительства РФ. Согласно ст. 15 Закона о международных договорах трансформационный акт необходим в том числе в случае, если международный договор требует внесения изменений в федеральное законодательство либо затрагивает права и свободы человека и гражданина (к которым относятся и трудовые права).

В теории международного права такие договоры иногда называют «несамоисполнимые». Кроме этого, есть и «самоисполнимые» договоры, нормы которых, как предполагается, действуют непосредственно, без издания специальных трансформационных актов. Однако даже непосредственное действие нормы международного договора требует, чтобы он был воспринят национальным правом государства. Так, согласно п. 3 ст. 5 Закона о международных договорах, условием непосредственного действия положений международных договоров РФ является их официальное опубликование.

Вопрос о соотношении норм международного права, МЧП, месте международного трудового права в правовой системе является предметом неугасающей дискуссии правоведов.

Традиционное деление права на объективное (*norma agenda*, эталонное правило) и субъективное (*jus agendis*, право на определенное конкретное поведение, воплощенное в правоотношении), в международном праве может рассматриваться под разными углами по отношению к национальному законодательству.

К объективному международному праву относятся международные обычаи, как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы, а также общие принципы права, признанные цивилизованными нациями.

Субъективное право можно рассматривать как «совокупность всех правоотношений, существующих в данном юрисдикционном поле, действительность которых определяется применимым объективным правом» [5].

В этом контексте нормы международных договоров — конвенций обретают статус международного субъективного права, регулирующего сумму всех правоотношений, возможных с участием государств, присоединившихся к договорам.

Субъективный характер норм конвенционного права обусловлен также и тем, что в международно-договорных отношениях государства являются равнозначными субъектами, обладающими свободой суверенной воли. Подобное обстоятельство дает основания применить к конвенционному праву характеристики субъективного права, как источника реального регулирования правоотношений, а также механизмов, при помощи которых такое регулирование становится возможным.

Одновременно с этим государства — обладатели прерогативы международного правотворчества, стремятся создать именно *norma agenda* — эталонное правило.

Так проявляется удивительная особенность международного права, при которой государства сами являются его «создателями и создателями, распространителями и исполнителями».

В национальных правовых системах такие правила реализуются в субъективном праве участников конкретных правоотношений. Таким образом, нормы международных договоров образуют объективное международное право для национальных правопорядков и субъективное право по отношению к международным обычаям и общим принципам права.

Итак, международное право предполагает дихотомию на объективное международное право (международные обычаи и общие правовые принципы) и субъективное международное право (нормы международных договоров).

Следует отметить, что в отличие от международных правовых обычаев и общепризнанных правовых принципов, конвенционные нормы субъективного международного права могут распространять свое действие только на государства, заключившие международный договор. Именно конвенционные нормы посредством механизмов рецепции, включения в национальные правовые системы приобретают статус унифицированных норм МЧП. Таким образом, система норм субъективного конвенционного международного права встраивается в национальные законодательства в качестве норм объективного права и воспринимается международным частным правом в форме унифицированных норм.

Между тем дихотомическая концепция предполагает наличие некоего «надгосударственного» источника правотворчества, создающего право, объективное по отношению к субъективному международному праву международных договоров. Такой «надгосударственный» источник должен обладать императивной волееспособностью по отношению к государствам, каждое из которых, в свою очередь, характеризуется суверенной волей.

В то время как конвенционные нормы, относимые Г. В. Вельяминовым к субъективному международному праву, являются продуктом договоренностей государств — равноправных участников международных отношений, процесс создания норм объективного международного права (международные правовые обычаи и общепризнанные правовые принципы) остается не столь явным.

Согласно ст. 38 Статута Международного Суда Организации Объединенных Наций 1945 г. международный обычай представляет собой доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. Происхождение международного обычая определяют и как

результат «негласного соглашения» государств по поводу аналогичного поведения в повторяющихся обстоятельствах, и как продукт естественного права, преломленного через призму всеобщего публичного интереса [6, стр. 35; 7, стр. 46—48; 8, с. 415].

Сущность «надгосударственной» силы, устанавливающей и обеспечивающей императивность объективных международно-правовых норм, как само и наличие такой силы, является предметом научных дискуссий. Часть исследователей отрицают существование инструментов, способных создавать и обеспечивать объективные нормы международного права («в мире нет единой суверенной властной силы, которая, в отличие от отдельных государств, обеспечивала бы установление и соблюдение обязательного объективного международного права» [5; 9], другие наделяют подобными полномочиями международные организации, а в качестве санкций указывают потерю репутации на международной арене для государства, игнорирующих международные правовые обычаи и принципы международного права [10].

Как бы то ни было, объективное международное право, в отличие от права конвенционного, не всегда является продуктом непосредственных договоренностей суверенных государств, но всегда выступает эталоном мирового правопорядка, тем, что принято называть *ius cogens*. Подтверждением этому служит и то обстоятельство, что одна из главных юридических формул международного права — *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) также основана на международно-правовом обычае.

Следует отметить, что соотношение международного правового обычая и конвенционного международного права также остается предметом научных дискуссий: еще Ганс Кельзен писал о более высоком иерархическом уровне международного права, созданного через международные договоры в связи с тем, что его норма «в качестве правотворящего фактического состава устанавливает обычай, конституируемый через взаимное поведение государств» [11, стр. 293].

Вместе с тем один из первых авторов, обобщивших международные морские обычаи древности, Жан-Мари Пардессю, писал о том, что, поскольку «везде и во всем практика опередила изложение теорий», морской обычай «...был признан необходимым, сохранен и обеспечен традицией» [12, стр. 4]. Действительно, именно практика сформировала обычное правило, согласно которому капитану не стоило выплачивать всю сумму жалования моряку, не имеющему на судне «сундука и полотенца» (т.е. какой-либо имущественной привязанности к кораблю), не получив от такого моряка гарантий, что он останется на корабле до возвращения в порт отплытия. Указанный обычай содержится в «Олеронском свитке» (своде обычаев морской практики XI—XIII вв., действовавшем в портах Кастилии, Англии и Франции), «Морских законах

города Висби» (обычное морское право государств Скандинавии 1350—1400 гг.), «Сборнике постановлений Ганзейских городов» (1591—1614 гг.).

Конструкция международного правового обычая представляет собой сочетание двух элементов: практики и убеждения в том, что правило поведения имеет силу правовой нормы (*opinio juris sive necessitates*).

Специалисты по международному праву выделяют два способа признания международного правового обычая — в очевидной форме (дипломатическая переписка, заявления глав государств, практика национальных судов и т.д.) и в неочевидной форме (молчаливое согласие). Примером молчаливого согласия может служить присоединение государства, не имеющего выхода к морю, к обычаям международного морского права, путем признания обязательности соответствующего поведения. Молчаливое согласие может выражаться в отсутствии у государства возражений в связи с формирующимся международным правовым обычаем [9].

К международным морским правовым обычаям относятся, например, Йорк-Антверпенские правила об общей аварии, в том числе положения о заработной плате и содержании экипажа судна при следовании к порту-убежищу и нахождении в нем (разд. XI).

Одной из форм присоединения к международным правовым обычаям является также их включение в национальное законодательство. В Российской Федерации подобным образом восприняты, например, обычаи морских портов.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обычаи морского порта представляют собой правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в морском порту и не предусмотренные законодательством РФ.

Тексты обычаев морских портов свидетельствует Торгово-промышленная палата РФ в соответствии с процедурой, установленной Положением о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обычаев морских портов в Российской Федерации (утверждено постановлением Правления ТПП РФ от 24 декабря 2009 г. № 67-7).

По отношению к национальным правовым системам описанная дихотомия исчезает, образуя единое объективное международное право — международные обычаи, общие правовые принципы и нормы международных договоров.

Таким образом, изначальным «фундаментом», на котором строится все здание международно-правовых предписаний, запретов и дозволений, является международное публичное право. Государства, как субъекты международного права, принимая конвенционные соглашения или

признавая международные правовые обычаи, устанавливают, каким образом будут регулироваться трудовые отношения моряков в международном мореплавании.

В дальнейшем *norma agenda* объективного международного права трансформируется в *jus agendis* в конкретных правоотношениях. Применительно к категории международно-правовой занятости моряков такими правоотношениями являются трудовые отношения и иные отношения, непосредственно связанные с трудовыми. Указанные отношения и составляют предмет международного морского трудового права.

В научной литературе трудовое отношение играет роль «ядра» правового регулирования, а иные отношения систематизируются в зависимости от их временной относимости к трудовому отношению и подразделяются на предшествующие, сопутствующие и последующие за трудовым. Можно сказать, что на «позвоночнике», «скелете» трудового отношения формируется «соединительная ткань» иных отношений, непосредственно связанных с трудовыми, образуя, в конечно счете, единый организм норм, регламентирующих реализацию моряками своих трудовых прав. В международном морском трудовом праве указанные отношения отличаются существенной особенностью — трансграничным характером.

В теории трудового права возникновению трудового отношения предшествуют отношения по трудоустройству у данного конкретного работодателя. Они могут характеризоваться сложным субъектным составом — участием во взаимодействии между кандидатом на должность в экипаже судна и будущим работодателем третьего лица — посредника между двумя названными ключевыми фигурами трудового права.

В сфере морского торгового судоходства такое посредничество носит название «крюинг», а организации, осуществляющие соответствующую деятельность, именуются крюинговыми агентствами.

Предшествующее трудовому, отношение по трудоустройству моряка на данное судно у конкретного судовладельца на определенную судовую роль предполагает соблюдение значительного количества требований, установленных международным правом и признанных соответствующими государствами. Достижение установленного возраста, наличие требуемой квалификации, положительного медицинского освидетельствования, срок которого не истек, легитимность деятельности крюингового агентства — посредника в трудоустройстве, вакантные должности на судне — все эти обстоятельства в совокупности делают возможным реализацию нормы объективного права в субъективном отношении по трудоустройству.

В механизме реализации такого правоотношения, предшествующего трудовому, приходят в движения нормы объективного и субъективного международного права, а также МЧП, а именно:

— признанные государством международные морские обычаи и правовые принципы;

— конвенционные нормы, трансформировавшиеся в унифицированные нормы МЧП, воспринятые внутренними правовыми системами ратифицировавших конвенции государств;

— коллизионные нормы национального законодательства (как правило, закон флага, *lex banderae*).

Подобная конструкция правового регулирования присуща и другим отношениям, составляющим предмет международного трудового права: какой бы из его институтов не был рассмотрен в качестве примера, в каждом присутствует названное триединство правил: международные морские обычаи и принципы; конвенционные (унифицированные) нормы и коллизионные нормы внутригосударственных правовых систем.

Таким образом, международное морское трудовое право представляет собой правовое образование, в котором нетипичный предмет регулируется специфическими нормами. Указанное обстоятельство не может не отразиться и на методе правового регулирования.

Согласно общей теории права метод правового регулирования представляет собой совокупность приемов, с помощью которых осуществляется воздействие на правоотношения. Традиционно, такие приемы воплощаются в сочетании правовых дозволений, запретов и предписаний. Если в этом орнаменте правовых средств лидируют запреты и предписания, то метод характеризуется как императивный, если дозволения — как диспозитивный.

Классическое учение о трудовом праве основано на его частно-публичном характере и, соответственно, двойственном методе правового регулирования, сочетающем императивные и договорные начала.

Но диспозитивность, применяемая к регулированию труда в обычных ситуациях и неспецифичных сферах деятельности, может стать в известной степени условной в обстановке морской стихии.

В связи с этим один из самых значимых источников правового регулирования труда моряков, своего рода Трудовой кодекс мореплавателей, Конвенция о труде в морском судоходстве 2006 г. (далее — Конвенция) является характерным примером императивных требований с мягким, но тем не менее также обязательным исполнением. Такая, на первый взгляд, необычная конструкция «гибкой императивности» предусмотрена специальной структурой Конвенции. Она состоит из правил, определяющих основные начала правового регулирования соответствующих институтов международного морского трудового права (трудовой договор, рабочее время и время отдыха, оплата труда и др.) и Кодекса, предусматривающего механизм реализации содержащихся в правилах требований. В свою очередь, Кодекс включает в себя две части: часть А — обязательные для исполнения стандарты, и часть В — факультативные руководящие принципы. При этом для

государств, не обладающих возможностью соблюдать стандарты части А в порядке, предусмотренном Конвенцией, предусмотрена возможность выполнения соответствующих требований на основе положений своего внутреннего законодательства и нормативных правовых актов или иных мер, которые по существу эквивалентны положениям части А. Такой принцип эквивалентности не снимает с государств обязанности соблюдения правил, установленных Конвенцией, но допускает применение инструментов национальной системы права для их соблюдения (принцип эквивалентности по существу). Факультативность руководящих принципов части В также условна: согласно п. 3 разд. 5 Конвенции их необходимо «должным образом приниматься во внимание». В п. 4 ст. IV Конвенции прямо указано на обязанность ратифицировавших ее государств обеспечивать реализацию прав моряков в соответствии с правилами и требованиями, установленными Конвенцией.

В отношении государств, не ратифицировавших Конвенцию, действует правило о недопустимости предоставления для судов, плавающих под их флагом, режима более благоприятного, чем для судов государств — участников Конвенции.

Между тем глобальный характер морского судоходства и, как правило, межнациональный состав экипажей судов могут оказывать значительное влияние на распространение единообразных требований не только к подготовке моряков, но и к правовому регулированию их занятости. Заведомо предполагаемые худшие условия труда на судах под флагом не присоединившихся к Конвенции государств могут оказывать влияние на «расстановку сил» в масштабах мирового рынка труда моряков, не позволяя таким государствам привлекать наиболее квалифицированные кадры мореплавателей. В свою очередь, недостаток профессионализма моряков может стать для указанных государств предпосылкой потери позиций в успешности торгового судоходства.

Таким образом, конвенционные правила и нормы, регулирующие труд моряков, являются, по сути, обязательными для всех государств, участвующих в морском судоходстве — непосредственно для ратифицировавших Конвенцию, и опосредованно — для не ратифицировавших ее. В этом проявляется императивный метод правового регулирования трудовых отношений моряков и иных отношений, непосредственно связанных с трудовыми.

Диспозитивность традиционно воплощается в договорных началах. Как указано в п. 5 ст. IV Конвенции, в качестве инструментов для реализации установленных ею правил могут использоваться коллективные соглашения моряков и судовладельцев. В частности, в России действует Федеральное отраслевое соглашение по морскому транспорту на 2021—2024 годы, утвержденное Профсоюзом работников водного транспорта РФ, Общероссийским профсоюзом работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства, Российским профсоюзом моряков,

Российским профсоюзом работников атомной энергетики и промышленности, Общероссийским отраслевым объединением работодателей «Российская палата судоходства» 7 апреля 2021 г. (далее — Соглашение). В указанном документе получают свое развитие положения Конвенции, которые могут детализироваться в национальных правовых системах. Например, Соглашение содержит подробную регламентацию рабочего времени и времени отдыха моряков на судах, плавающих под российским флагом, — основой такого регулирования являются требования, установленные Правилом 2.3, Стандартом А 2.3 и Руководящими принципами В2.3 Конвенции.

Еще одним проявлением диспозитивности выступает соглашение сторон трудового отношения о выборе применимого права. Согласно абз. 2 п. 2 ст. 416 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации отношения между судовладельцем и членами экипажа судна, являющимися иностранными моряками, регулируются законом государства флага судна, если отсутствует соглашение о применимом праве. Автономия воли участников трудового отношения ограничивается защитной оговоркой о том, что выбор сторонами трудового договора права, подлежащего применению к отношениям между судовладельцем и членами экипажа судна, не должен приводить к ухудшению условий труда членов экипажа судна по сравнению с нормами права того государства, которыми должны регулироваться данные отношения при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве.

Таким образом, диспозитивность правового регулирования трудовых отношений моряков и иных отношений, непосредственно связанных с трудовыми, возможна. Но такая диспозитивность находится в строго заданных границах императивных требований.

Квинтэссенцией вышеизложенного может стать следующее определение: международное морское трудовое право представляет собой систему международно-правовых норм, основанных на нормах объективного международного права, воспринятых национальными правовыми системами, регулирующих трансграничные трудовые отношения моряков и иные отношения, непосредственно связанные с трудовыми.

Литература

1. Венгеров, А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Венгеров. — Москва, 2000.
2. Международное право : учебник / ответственный редактор С. А. Егоров. — Москва : Статут, 2014.
3. Гуцуляк, В. Н. Российское и международное морское право (публичное и частное) : учебник / В. Н. Гуцуляк. — Москва : Граница, 2017.
4. Международное частное право. Том 1 : учебник / ответственные редакторы С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. — Москва : Статут. 2011.

5. Вельяминов, Г. В. Международное право: опыты / Г. В. Вельяминов. — Москва, 2015 // СПС КонсультантПлюс.
6. Стародубцев, Г. С. Обычай в международном праве / Г. С. Стародубцев // Социально-политические науки. — 2015. — № 1.
7. Гоббс, Т. Сочинения : в двух томах / Т. Гоббс. — Москва, 1989.
8. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. — Москва, 1994.
9. Кремнев, П. П. Источники и правопреемство общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе и изменения в Конституции РФ 2020 г. / П. П. Кремнев // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 9 // СПС КонсультантПлюс.
10. Международное право / под редакцией В. Бергманна. — Санкт-Петербург, 2015 // СПС КонсультантПлюс.
11. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. — Москва, 1960.
12. Pardessus, J.-M. Us et coutumes de la mer, ou Collection des usages maritimes des peuples de l'antiquité et du moyen âge. — Tome 1. — Paris, 1847.

References

1. Vengerov, A. V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik [Theory of State and Law] / A. V. Vengerov. — Moskva, 2000.
2. Mezhdunarodnoye pravo [International law]: uchebnik / otvetstvennyy redaktor S. A. Yegorov. — Moskva : Statut, 2014.
3. Gutsulyak, V. N. Rossiyskoye i mezhdunarodnoye morskoye pravo (publichnoye i chastnoye) [Russian and international maritime law (public and private)]: uchebnik / V. N. Gutsulyak. — Moskva : Granitsa, 2017.
4. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo. Tom 1 : uchebnik [International private law] / otvetstvennyye redaktory S. N. Lebedev, Ye. V. Kabatova. — Moskva : Statut. 2011.
5. Vel'yaminov, G. V. Mezhdunarodnoye pravo: opyty [International law: experiments] / G. V. Vel'yaminov. — Moskva, 2015 // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Starodubtsev, G. S. Obychay v mezhdunarodnom prave [Custom in international law] / G. S. Starodubtsev // Sotsial'no-politicheskiye nauki. — 2015. — № 1.
7. Gobbs, T. Sochineniya : v dvukh tomakh [Works: in two volumes] / T. Gobbs. — Moskva, 1989.
8. Grotsiy, G. O prave voyny i mira [On the law of war and peace] / G. Grotsiy. — Moskva, 1994.
9. Kremnev, P. P. Istochniki i pravopreyemstvo obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava v rossiyskoy pravovoy sisteme i izmeneniya v Konstitutsii RF 2020 g. [Sources and succession of generally recognized principles and norms of international law in the Russian legal system and changes in the Constitution of the Russian Federation 2020] / P. P. Kremnev // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. — 2022. — № 9 // SPS Konsul'tantPlyus.
10. Mezhdunarodnoye pravo [International law] / pod redaktsiyey V. Bergmanna. — Sankt-Peterburg, 2015 // SPS Konsul'tantPlyus.
11. Kel'zen, G. Chistoye ucheniye o prave [Pure doctrine of law] / G. Kel'zen. — Moskva, 1960
12. Pardessus, J.-M. Us et coutumes de la mer, ou Collection des usages maritimes des peuples de l'antiquité et du moyen âge. — Tome 1. — Paris, 1847.